

Тем не менее 14 писем Якобсона были бережно сохранены в домашнем архиве славной лингвистической династии Винокуров (что в известные годы требовало немалого мужества — вспомним роль, которую играли имена Трубецкого и Якобсона в следствии по «делу славистов» [6, с. 54—55, 63, 70 и др.]). Там же сохранились два законченных и подписанных письма самого Винокура к Якобсону, одно из них — в соавторстве с В. Б. Шкловским. Были эти два письма посланы адресату в переписанном, и возможно, скорректированном виде или же не посылались вовсе, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но как факт мысленного общения с адресатом они сохраняют ничуть не меньший интерес, чем письма, заведомо прошедшие через почту.

Итак, известный сегодня массив переписки Винокура и Якобсона составляют 16 писем за 1920—1929 гг. Характер эпистолярного общения за эти годы менялся, и содержательная ценность писем не одинакова. В совокупности они представляют ценный источник для реконструкции биографии обоих корреспондентов, для изучения того, как складывались их научные идеи, какой характер носила редакционно-организаторская деятельность Якобсона в журнале «*Slavische Rundschau*». Впервые фрагменты ряда писем были процитированы М. И. Шапиром в [7], им же была опубликована [8, с. 51—52] приложенная к одному из писем к Винокуру авторская выписка из несохранившегося ответа Якобсона Н. С. Трубецкому на критику книги [9]. Татьяна Григорьевна Винокур собиралась предпринять полное издание писем. После ее гибели осуществление этого замысла по просьбе ее мужа С. В. Киселева приняли на себя авторы настоящей публикации. Первая «пробная» публикация одного из писем Якобсона [10] увидела свет в сборнике памяти Татьяны Григорьевны.

Два письма, выбранных для настоящей публикации¹, объединены своим полемическим характером. В остальных письмах корреспонденты преимущественно сообщали о своих очередных работах, делились интересными идеями. В публикуемых ниже письмах они обстоятельно и бескомпромиссно спорят друг с другом.

То, что этот спор пришелся именно на 1925—1927 гг., вполне объяснимо динамикой творческого пути двух друзей. До 1923 г. включительно Винокур находился как бы в положении младшего: у Якобсона уже выходили книги [9; 11] и большие журнальные статьи, а Винокур все еще оставался автором газетных рецензий и научно-библиографических обзоров. Появление «Культуры языка» [12] (в переработанном виде сюда вошли и крупные статьи двух предшествующих лет) сразу перевернуло ситуацию, показав, что в науку вошел большой ученый со своей оригинальной общелингвистической концепцией. Выход следующей книги [13] еще больше подчеркнул масштаб авторских интересов, охватывавших сферу не только лингвистики, но и исторического и философского знания.

Отныне «научный вес» обоих корреспондентов сравнялся, и Якобсон должен был определить свое отношение к концепциям и методологическим установкам друга. И хотя его письмом о «Культуре языка» мы не располагаем, из публикуемого ответа Винокура видно, что уже по отношению к этой книге Якобсон занял позицию почти полного неприятия. Неприятие это было сугубо активным: Якобсон нападал, а Винокур упорно защищался.

Как показывают письмо Винокура и содержащиеся в нем цитаты из не дошедшего до нас якобсоновского письма, главных расхождений было всего три. Но они в совокупности охватывали чуть ли не всю сферу общих интересов двух

¹ У лингвистов такого масштаба, как Винокур и Якобсон, отклонения от норм орфографии и пунктуации обычно осознаны и отражают их теоретические взгляды. Поэтому в данной публикации мы строже, чем в [10], подошли к передаче орфографических и пунктуационных особенностей писем. Следуя примеру работы М. И. Шапира [8], мы даже такие ничтожные «конъектуры», как недостающие запятыя у Винокура или систематически игнорируемый Якобсоном мягкий знак после шипящих, даем в угловых скобках.